

Научная статья
УДК 882
doi: 10.17223/15617793/482/4

Эпистолярная дидактика В.А. Жуковского (на материале переписки с членами царской семьи)

Ирина Александровна Айзикова¹

¹*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, wand2004@mail.ru*

Аннотация. Письма В.А. Жуковского к царским детям и их родителям, императору Николаю I и императрице Александре Федоровне, рассматриваются как текст, одной из доминант которого является дидактика. Наставник и учитель членов царской семьи, Жуковский в своих письмах представляет и реализует целостную концепцию дидактики как воспитывающего обучения, используя разные стратегии ее описания в зависимости от адресата. В дидактических целях Жуковским используются и особенности эпистолярных практик.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, эпистолярный, дидактика, император Николай I, императрица Александра Федоровна, члены царской семьи

Источник финансирования: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-012-00529.

Для цитирования: Айзикова И.А. Эпистолярная дидактика В.А. Жуковского (на материале переписки с членами царской семьи) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 36–49. doi: 10.17223/15617793/482/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/4

Epistolary didactics of Vasily Zhukovsky (based on correspondence with members of the royal family)

Irina A. Ayzikova¹

¹*Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail.ru*

Abstract. Today it is obvious that the texts created by Zhukovsky, including personal letters, are mostly “saturated” with ideas of educative instruction, expressed directly or in subtext. These ideas are organically part of the romantic concepts of life-creation and self-building, and lead the poet to specific socio-cultural practices, in particular, pedagogical ones. The article deals with Zhukovsky’s letters to the royal children (Grand Dukes Alexander Nikolayevich, Konstantin Nikolayevich, Grand Duchess Maria Nikolaevna) and their parents, Nicholas I and Empress Alexandra Feodorovna, of the 1820s – early 1850s, as well as response letters from these addressees. The aim of the article is to study this part of Zhukovsky’s epistolary works from the perspective of its didactic dominant, which researchers have not yet explored. The article models a holistic concept of Zhukovsky’s didactics as educative instruction, analyses different strategies for its presentation in letters to royal persons, depending on the addressee, and also considers Zhukovsky’s use of epistolary practices for didactic purposes. The author refers to the methodology of research in the field of “court pedagogy”, epistolary practices of the first third of the 19th century, life-building and life-creation, and works about Zhukovsky as a writer-educator. The historical and cultural method of research is also used, which makes it possible to see the place of Zhukovsky’s epistolary didactics in the pedagogical tradition. The analysis carried out led to the following conclusions. Most of Zhukovsky’s letters of a didactic nature are addressed to his pupil and student, Grand Duke Alexander Nikolayevich. They highlight two of the most common meanings of statements. The first and dominant determines the educational pathos of the text; the second, actually didactic, is the main one in later messages addressed to the Grand Duke about the education of his children. In the letters, as a rule, Zhukovsky focuses on the representation of events from the life of the state through the prism of history as a moral process filled with behavioural models that give the reader the vector of their perception, experience and comprehension. Zhukovsky’s letters to Maria Nikolaevna, which develop her figurative thinking, ability to see the world based on the romantic principle of universalism, perceive and create texts based on romantic philosophy, are distinguished by a special style, defined by Zhukovsky as “chatter”, which obviously intersects with Pushkin’s storytelling strategies. Zhukovsky’s epistolary didactics in relation to Grand Duke Konstantin Nikolayevich is characterised primarily by the range of discussed issues of a philosophical, moral, ethical and aesthetic nature, focused on the idea of life-creation. Zhukovsky adopted his own features of epistolary didactics in relation to the parents of his students. In general, the most significant achievements of Zhukovsky’s romantic philosophy, aesthetics and poetics are

involved in his epistolary didactics. Created according to the general laws of romantic epistolary literature, the letters of the writer-educator completed his multifaceted creative system as a holistic one.

Keywords: Vasily Zhukovsky, epistolary works, didactics, Emperor Nicholas I, Empress Alexandra Feodorovna, members of royal family

Financial support: This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

For citation: Ayzikova, I.A. (2022) Epistolary didactics of Vasily Zhukovsky (based on correspondence with members of the royal family). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 36–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/4

Педагогические идеи и проекты первого русского поэта-романтика В.А. Жуковского были в центре внимания еще дореволюционных исследователей и продолжают привлекать повышенный интерес в гуманитаристике¹ не только сами по себе, но и в связи с педагогической традицией, в которую писатель вошел и в развитие которой внес свой вклад². Важнейшим аспектом изучения наследия Жуковского-педагога является взаимодействие в его творчестве литературы, философии и педагогики, что необходимо для осмысления природы русского романтизма, его основополагающей идеи синтеза разных видов искусства, искусства и науки, искусства и социокультурных практик. Сегодня очевидно, что созданные Жуковским тексты, включая личные письма, в большинстве своем насыщены идеями воспитывающего обучения, выраженными прямо или в подтексте. Эти идеи органично входят в романтическую концепцию жизнотворчества поэта, выводя его к жизнотворческим практикам, в которых, в частности, соединялись литература и дидактика.

В данной статье мы обратимся к письмам Жуковского³, которые он писал, начиная с 1820-х гг. и до конца жизни, царским детям (великим князьям Александру Николаевичу, Константину Николаевичу, великой княжне Марии Николаевне) и их родителям, императору Николаю I и императрице Александре Федоровне⁴. Эта часть эпистолярия Жуковского будет рассмотрена нами с точки зрения ее дидактической доминанты⁵.

Переходя к эпистолярной дидактике Жуковского, подчеркнем, что большая ее часть обращена к его воспитаннику и ученику великому князю Александру Николаевичу (более 150 писем) и относится к 1826–1852 гг., что дает возможность проследить процесс формирования дидактической концепции Жуковского и способов ее выражения с учетом особенностей адресата и эпистолярной эстетики.

В этих письмах господствует атмосфера доверительного общения⁶ и отчетливо выделяются два наиболее общих смысла высказываний. Первый и доминирующий определяет воспитательный пафос текста. В письмах Жуковского наследнику престола речь идет не столько об обучении как таковом (этот – второй модуль выйдет на первый план в более поздних посланиях, обращенных к великому князю уже по поводу обучения его детей), сколько о том, каким человеком должен стать великий князь. Авторская установка писем, как правило, ориентирована на репрезентацию каких-то событий из жизни государства и их участников сквозь призму истории как нравственного процесса, наполненного поведенческими моделями, вовлекающими

воспитанника «в круг исторических, нравственно-философских и эстетических убеждений» [38. С. 102]⁷ воспитателя и задающими читателю вектор их восприятия, переживания и осмысления.

Так, в одном из самых ранних писем своему ученику, от 19/31 августа 1826 г., Жуковский поздравляет его «с благополучным совершением коронации государя императора». Не объясняя своему читателю суть коронации, на которой сам не присутствовал, поэт представляет картину, которую должен был видеть наследник престола, вновь погружая его в событие и моделируя его восприятие коронации активным использованием мотива радости: «Я не мог быть вместе с вами, не мог вместе с вами радоваться. Теперь вы видели Москву; вы видели, как добрый народ вас встретил. Это вас должно было порадовать». Вслед за этим Жуковский, для сравнения, рассказывает великому князю о том, чего он не мог помнить, но что хорошо помнит его наставник, связывая эти две «картинки» все тем же мотивом радости: «Этот народ уже любил вас как ребенка. <...> Я помню, как все обрадовались, когда узнали, что вы родились» [40. С. 360].

Далее Жуковский переводит свои воспоминания о рождении великого князя в регистр поучения: «Теперь еще вы ничем не заслужили любви его (народа. – И.А.); он знает только, что вы сын его государя и что вы даете надежду быть добрым и умным. Вам надобно исполнить эту надежду, и тогда вы будете достойны любви русского народа. Заслужить же ее можете только тогда, когда будете стараться быть добрым, и многому, многому выучиться, чтоб жить на свете с пользою для других. <...> Дай Бог, чтоб все радовались вашей жизнью, как вашим рождением», – пишет Жуковский восьмилетнему Александру Николаевичу. В этом фрагменте вновь используется мотив радости и делается еще один важный акцент: сообщая великому князю, что Москва, где проходила коронация его отца – это город, в котором он, великий князь, родился, что это – его родина, Жуковский далее просвещает и наставляет ученика: «А вы помните одно: в Москве родился Петр Великий. Со временем вы узнаете, какой был это человек⁸. В благодарности за его дела его назвали великим. Ведите себя хорошо, учитесь прилежно, со временем и вы заслужите благодарность» [40. С. 360]. В конце письма великому князю дается несколько поручений (поцеловать ручки сестриц (Марии и Ольги. – И.А.), попросить «Марью Николаевну, чтобы меня не забывала», обнять «Карла Карловича» (Мердера. – И.А.) и поклониться «почтенным учителям Шамбо и Жиллю»⁹), просьба «помнить и любить» наставника и своего рода домашнее задание: «Прошу вас в письме своем описать мне

Москву и ваше в ней пребывание» [40. С. 360]¹⁰. Оптика Жуковского, автора письма, очевидна: на первом плане воспитательное воздействие на адресата, с элементами обучения – истории, в данном случае, и восприятию увиденного, умению его «правильно», т.е. с точки зрения Жуковского, в аспекте нравственного измерения, интерпретировать¹¹. Подобным образом построено письмо Жуковского к великому князю Александру Николаевичу, датированное концом февраля (около 24.02) 1828 г., в котором наставник дает подробный нравственно-психологический анализ важнейшего, с его точки зрения, события: великий князь был наказан государем за то, что в ответ на вопрос, как он учится, он ответил: «Не очень хорошо» и тут же сослался на то, что и его соклассник А. Паткуль тоже «не очень хорошо учится». Событие описано наставником своему ученику, участнику этой сцены, с его, наставника, точки зрения. Письмо, собственно, и представляет собой выписки из дневниковой записи Жуковского от 24 февраля 1828 г. Для великого князя описание назначалось как источник формирования жизнетворческой оптики, которую исповедовал всю жизнь его учитель¹².

Ряд более поздних писем (начала 1830-х гг.) написаны Жуковским великому князю в форме описания своих путешествий – например, от 25 июля / 6 августа 1832 из Эмса, от 26 августа / 7 сентября 1832 г. из Франкфурта на Майне, от 5 / 17 ноября 1832 г. из Веве, датированное промежутком между 19 (31) июля и 4 (16) августа 1833 г., из Шлангенбада и др. Это – подробные зарисовки из жизни Жуковского, его знакомых, картины ежедневной жизни того или иного города, пейзажи. Вряд ли все детали, которые встречаются в подобных письмах, передавались для того, чтобы на долгое время остаться в памяти ученика – в его памяти должен был остаться способ восприятия окружающего мира как живой целостности, состоящей из взаимодействующих, меняющихся элементов¹³. Не ожидая скорого успеха в своих уроках восприятия мира, Жуковский вновь и вновь отправляет своему ученику живописные, наполненные глубокой философией описания. Таково, например, письмо от 1 / 12 января 1833 г., где в духе своей «горной» философии Жуковский описывает великому князю свое «пешеходство по Симплонской дороге» и, говоря о «сходстве в истории этих безжизненных великанов (имеются в виду горы. – И.А.) с историей живого человеческого рода!» [41. С. 389], разъясняет воспитаннику свою философию истории природы, общества, человека.

1 сентября 1839 г. Жуковский получил официальный отпуск, закончив обучение великого князя Александра Николаевича. 29 августа 1839 г. он писал ему: «Мое государственное дело с Вами кончилось; но дело личное, дело нашей взаимной любви... кончится только с моей жизнью. Верность моя Вам должна теперь состоять в том, чтобы я без оглядки передавал Вам те чувства и мысли, кои будут мне казаться правдою. <...> И в этом-то чистом сношении любви и правды будет отныне моя связь с наследником престола» [41. С. 404].

Заканчивая свое «государственное дело» с великим князем, Жуковский в рассматриваемом письме проводит ему последний «экзамен». Он подарил ему «стихи на праздник Бородинский» («Бородинская годовщина»), написанные сразу после посещения поэтом торжеств на Бородинском поле в честь 25-летия победы России над Наполеоном, и сопроводил этот подарок комментарием, как и ранее направленным на моделирование восприятия события: «...выразить величие того зрелища, которое нас всех поразило, никакие стихи не могут: нельзя втеснить в слова той земли, политой русской кровью, на которой мы и стопятидесяти тысячная армия стояли и которая так красноречиво говорила своим прахом – прахом славных воинов – и в минуту тишины повсеместной, в минуту молебственного пения, и в минуту великого слова: венчая память царю Александру, и в минуту того неслыханного у р а , которое вдруг, со всех сторон, так чудно загремело, как будто бы вся Россия поднялась и в один голос крикнула: с л а в а ! Как же не благодарить государя за то, что он, питая в царской душе своей чувства русского, так горячо заботится о том, чтобы оно и в нас разогревалось» [41. С. 401]. Однако заканчивался этот комментарий рассуждением, сбивающим принятый высокий пафос. Жуковский пишет цесаревичу об «израненных, безруких и безногих», «покрытых лохмотьями бедности, Бородинских инвалидах, которые сидели на подножии памятника (памятник в честь Бородинского сражения на батарее Раевского, у подножия которого был захоронен прах Багратиона. – И.А.) или, положив подле себя свои костыли, отдыхали на гробе Багратиона. Некоторые бедняки притащились издалека: кто пешком, кто на телеге, чтобы увидеть царя на своем празднике Бородинского боя. Признаюсь Вам, мне было жестоко больно, что ни одного из этих главных героев дня я после не встретил за нашим обедом. Они, почетные гости этого пира, были забыты, воротятся с горем на душе восвояси, и что скажет каждый в стороне своей о сделанном им приеме, они, которые надеялись принести в свои бедные дома воспоминание сладкое, богатый запас для рассказов и детям и внукам?» [41. С. 401–402]. И далее Жуковский предлагает способы исправить эту несправедливость: назначение отставным раненым жалованья, «которое в эпоху Бородинского сражения они получали», награждение всех их медалями, отлитыми «из чугуна ядер, найденных на Бородинском поле» <...> Это было бы драгоценнейшим даром от того, кто так славно царствует над новым поколением, для тех, коих Бог привел дожить до времен его и кои участвовали в славе поколения прежнего» [41. С. 402].

В более поздних письмах, 1840-х – начала 1850-х гг., Жуковский, как и обещал, постоянно передавал великому князю «те чувства и мысли, кои» казались ему «правдою»¹⁴. Это были описания важных для Жуковского семейных событий, своих творческих замыслов, просьбы по поводу разных людей (в том числе о помиловании сосланных в Сибирь декабристов – в письме от 3/15 мая 1846 г.), членов своей семьи и самого себя, поздравления в связи с событиями в жизни великого князя, и одновременно это были раздумья Жуковского

о назначении человека, семье, «общем благе», революции, особом пути развития России, о политических событиях, происходивших в России и Европе¹⁵, инкрустированные любимыми мыслями поэта. «Ваша царская жизнь принадлежит современникам и истории; ее будут видеть и судить люди при Вас и после Вас. <...> Ваша в н у т р е н н я я жизнь принадлежит Вам самим и Богу; она перейдет с Вами за гроб; эта внутренняя жизнь наиболее совершенствуется в тайне семейственной жизни и из нее проливается на внешность. Царские добродетели, столь важные по тому обширному кругу, в котором они действуют, суть выражения добродетелей человека; а добродетель человека есть не иное что, как вера в действие», – писал он 23 декабря 1841 г. [41. С. 426]; из письма от 12 / 24 июня 1842 г.: «Приношу Вашему императорскому высочеству мое сердечное поздравление с нашим общим радостным праздником, с торжеством двадцатипятилетия семейной жизни царской... Награди Бог государя за это счастье, которое столь долго сохранил он во всей чистоте для блага своего народа, в пример общий, в утверждение добрых нравов в своем царстве! Получить такое счастье есть милость Божия; сохранить его чистым в продолжение долгих лет есть добродетель» [41. С. 435]. Из поздравительного письма от 1 января 1843 г.: «...из всех царских венцов самый тяжелый достался русскому царю. Как самодержец, он может в с е ; но зато он один и отвечает за все перед Богом, собою и судом потомства, произносимым в истории. Ему более, нежели кому из других владык земных, нужна истина, то есть верное понятие о том, что есть и что быть должно» [41. С. 445]. Примеры можно продолжать (см. письма от 23 августа / 4 сентября 1845 г., 15/27 января 1846 г.).

Отдельно в рамках исследуемой темы могут быть рассмотрены письма Жуковского к великому князю, написанные по поводу воспитания и обучения детей цесаревича – от 30 октября / 12 ноября 1845 г. и 15 / 27 декабря 1847 г. В первом из них даны рекомендации по воспитанию детей первых лет жизни – приводится та же возрастная периодизация, описание отношения родителей к ребенку того или иного возраста, воспитательная цель на разных этапах жизни ребенка, та же идея нравственного развития как основы воспитания и обучения детей, те же принципы выбора учителей, дисциплин, круга детского учебного чтения, методы обучения и воспитания, которые были опробованы Жуковским на воспитании и обучении великого князя и которые он применял в отношении своих детей. Отличия заключаются в том, что Жуковский советует великому князю приступить к подготовке обучения детей за 6 лет до его начала, приглашать на работу с его детьми молодых преподавателей и воспитателей, не обремененных старыми методами и материалами. Аргументами Жуковского были его ошибки из прежней практики. Например, он пишет о том, что не смог внедрить в обучение великого князя созданные им визуальные материалы – таблицы и карты, которым он придавал большое значение: «...учение шло вперед своим чередом, за ним тащились мои таблицы и почти всегда опаздывали, и преподаватели не могли ими пользоваться сами, и таким образом не могло установиться одного общего

хода, которым бы все части преподавания приведены были в одно стройное целое. <...> Все это произошло оттого, что материалы преподавания не были приготовлены заранее и что преподаватели не могли с ними предварительно ознакомиться и их себе присвоить» [42. С. 502].

Жуковский предлагает великому князю свои услуги в составлении курса истории для его детей – «по своей методе со всеми принадлежащими к оному приложениями, картами и таблицами» и подборе «лучших учебных книг во всех родах, немецкие, французские и английские. Много напечатано нового и хорошего с тех пор, как (за двадцать лет перед сим) началась составляться ваша библиотека; её бы надобно было дополнить главнейшими во всех родах книгами, без чего вся новейшая литература будет в ней недостаточна» [42. С. 503]. В письме от 15 / 27 декабря 1847 г. он приступает к обсуждению претендента на роль учителя истории, по-прежнему считая эту дисциплину важнейшей, особенно для царских детей. Акцент он делает на необходимости серьезной подготовки учителя к преподаванию дисциплины, в первую очередь, современной истории России и Европы: «Мир современный должен быть главною наукою царя; но такой науки нет в учебных книгах, и для нее нет учителя ни в гимназиях, ни в университетах. Ее может преподавать только тот, для кого сам этот мир современный был учебною книгою» [42. С. 536].

Не менее показателен для характеристики эпистолярной педагогики Жуковского его письма к великой княжне Марии Николаевне – старшей дочери и второму ребенку в семье Николая I¹⁶. Жуковский преподавал ей русский язык. Их отношения были дружескими, что в письмах передавалось особой стилистикой общения. Например, неизменно называя свою ученицу, в соответствии с этикетом, Вашим Высочеством, а позднее Вашим Императорским Высочеством, Жуковский, как правило, заканчивает письма следующими «домашними» фразами: «Целую Ваши ручки и прошу Вас не забывать Жуковского» (от 25 июня 1828 г.), «...я с сердечною благодарностью целую ту милую руку, которая написала мне это прелестное русское письмо и прошу эту милую руку не покидать этой любезной для меня привычки» (7 / 19 мая 1840), к письму от 4 / 16 января 1833 г. он прикладывает к письму «розовую распукольку, сорванную» им «на открытом воздухе», письма Марии Николаевны неизменно называет прелестными. Мария Николаевна в ответных ранних письмах называет его «любезным Василием Андреевичем» (13 июля 1828 г., 6 / 18 мая 1833 г.), а позднее «Ангельчик мой! Хорошенький!», «мой старший друг, друг с колыбели». В письме от 13 июля 1828 г. она посылает учителю «крыло саранчи» с просьбой разобрать, «что на нем написано. У нее четыре таких крыла, и на всех одинаковый узор» [38. С. 165]; подписывает ранние письма своим домашним именем «Ваша Мери», а поздние: Мария, «Ваш старый друг Мария».

Нередко Мария Николаевна, будучи уже взрослой, обращаясь к своему учителю, использует один из образов сформированного ею и Жуковским «репертуара» и

называет его «любезный Вася-кот», «любезный котик», «Васька, мой милый Васька». Рассматриваемые письма Жуковского и Марии Николаевны в целом наполнены подобного рода аллюзиями, намеками, иногда понятными только им. Референты многих таких стилистических фигур учителя и ученицы находятся в области литературы (у Марии Николаевны это, прежде всего, творчество Жуковского) и изобразительного искусства (у Жуковского этот круг столь широк, что заслуживает отдельного изучения). Одним из самых значимых и многозначных для обоих следует признать образ Лалла Рук (см., например, письмо Жуковского Марии Николаевне от 2 / 14 июля 1838 г.).

Привлекая свою ученицу к сотворчеству в описании переживания какого-то события, явления природы, пейзажа, произведения искусства, Жуковский постепенно вместе с нею вырабатывает не только общий образный корпус, но общий «культурный код», позволяющий им писать друг другу легко обо всем – окружающем мире, самих себе, своих близких, о своих внутренних состояниях и т.д. Так, уже в первом дошедшем до нас письме Жуковского, от 25 июня 1828 г., обращенном к почти уже девятилетней великой княжне, к благодарности за ее описание Одессы и городских окрестностей им были приложены своего рода план следующего письма великой княжны: «Если Вы захотите еще раз меня обрадовать письмом, то прошу Вас как можно подробнее описать мне тот дом, в котором Вы живете, виды из Ваших окон и, наконец, как расположено Ваше время: чем в какой час Вы занимаетесь!», и некий образец повествования – свой рассказ об учебных занятиях великой княжны Ольги Николаевны, в который Жуковский, не совсем «в тему», вставляет сообщение о том, что он читал ее младшей сестре «ту сказочку», которую ей когда-то читала Анна Петровна (Зонтаг. – *И.А.*), что сказочка Ольге Николаевне так же, как и ей, понравилась, и далее разговор переходит к А.П. Зонтаг, которую Жуковский не просто просит любить, но и рассказывает о ней как о «самой милой и родной», об их общем детстве и юности. В ответном письме Марии Николаевны от 13 июля 1828 г.¹⁷ читаем: «Вы спрашивали у меня о расположении нашего дома. Мы живем теперь на даче; дом наш в саду, он очень мал; море у нас перед глазами; мы купаемся в нем, но уже три дни как перестали купаться, потому что вода очень холодна. Мы здесь видели очень много саранчи; она лежит большими тучами. Фигурой она похожа на кузнечика, только гораздо больше; величиною будет с Ваш середний палец, а цвета серого. Вы спрашиваете у меня о расположении моего дня...» [38. С. 164], и далее идет подробное описание распорядка всех дней недели (по образцу, данному Жуковским). Из письма видно, что описание «видов из окна» включает в себя рассказ о купании, холодной воде в море, а центральной темой повествования стала саранча, ее количество, переданное с помощью образа «больших туч», описание «фигуры кузнечика» через сравнение с «средним пальцем» учителя.

Позднее такой способ письма ученица и учитель использовали чаще всего и называли его в своей переписке «чепухой» (Мария Николаевна) и «болтовней»

(Жуковский)¹⁸, понятием, которым, как известно, пользовались Пушкин, ряд его современников и последователей. Вспомним тезис самого Пушкина «Роман требует болтовни», глубоко и точно раскрытый Ю.М. Логманом в разделе «Проблема интонации. “Роман требует болтовни”» монографии «В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь». По мнению ученого, пушкинская «болтовня» является сознательной ориентацией автора «на повествование, которое воспринималось бы читателем как непринужденный, непосредственный, нелитературный рассказ», создававший у читателя художественного произведения «эффект непосредственного присутствия, что резко повышало степень соучастия и доверия читателя по отношению к тексту» [44. С. 68]. Характерным в связи с этим представляются постоянные предложения в письмах и учителя, и ученицы представить себе описываемое в письме, вообразить те чувства, которые испытывал автор, даже если у самого автора эти чувства оказывались «невыразимыми».

Используя терминологию постмодернизма, Л.М. Ельницкая пишет о сути поворота русской литературы первой трети XIX в. к «болтовне» как о «превращении “произведения” в “текст”, с характерной для последнего открытостью, незавершенностью, проблематичностью смысла» [45. С. 126], что в пушкинскую эпоху означало конец века поэзии и начало века прозы, в которой достигается «неразличение важного и случайного, высокого и низкого, большого и малого. Внутри сюжетно организованных глав Автор постоянно прибегает к отступлениям, никак не связанным с предметом разговора. Ироническая словесная игра, или “болтовня”, представляет собой одновременно утверждение и отрицание, границу между которыми провести невозможно. “Болтовня” связана с нарушением жанровых канонов, совмещением в языке поэтизма и прозаизмов; постоянной сменой ракурсов, освещения, точек зрения, с позиции которых изображается предмет... В результате впечатления всякого читателя множественны и разнородны». «Болтовня», пишет исследователь далее, служит (речь идет о «Евгении Онегине», но применима к прозе пушкинской поры. – *И.А.*) уловлению текуче-непредсказуемой “живой жизни”» [45. С. 127–128].

Таковы письма Жуковского и его ученицы, старавшейся не отставать в искусстве «болтовни» от своего учителя. Приведем еще один весьма красноречивый пример. Восторженно благодаря Жуковского за его выше уже упоминавшееся письмо о Женевском озере, Мария Николаевна пишет: «Благодарю Вас и за то, что Вы так чисто писали: без всякого труда я читала Ваше письмо. Мы часто об Вас думаем и всегда вспоминаем, когда подают суп с потрохами: каждая из нас берет лапку и кушает ее за Ваше здоровье», ставя рядом духовное и материальное, бытовое; между высокими и ироническими интонациями автора письма трудно провести четкую границу: как следует понимать, например, фразу о «чистом» письме Жуковского, которое адресат читал «без всякого труда» – здесь мысль о глубоком их взаимопонимании, но прочитывается и намек на трудно читаемый почерк Жуковского [38. С.

165], а в общем здесь реализуется принцип видения целого, состоящего из множества взаимосвязанных подвижных отдельностей.

Письма Жуковского к Марии Николаевне, развивающие ее образное мышление, умение воспринимать и создавать тексты, построенные на романтической философии, видеть мир исходя из романтического принципа универсализма, с особой силой акцентируют быстротечную и вместе с тем вечную подвижность жизни, таких ее главных характеристик, как время и пространство. Например, в упоминавшемся выше письме от 24 июня 1838 г. автор рассказывает о двухмесячном путешествии с наследником престола как о сне, «в котором бездна разных образов быстро и беспорядочно промчалось перед душою; а из этого сна я выхвачу для Вас несколько эпизодов, которые особенно меня поразили» [43. С. 332]. Письмо от 5 сентября 1839 г. о посещении Бородина в дни торжеств по поводу 25-летия победы над Наполеоном построено на постоянных переходах авторского нарратива из настоящего в прошлое, из прошлого в будущее (чем и отличается от письма великому князю Александру Николаевичу на эту же тему). Поздравительное письмо Жуковского Марии Николаевне от 17 / 29 мая 1840 г., сообщившей ему 1 мая 1840 г. о рождении первенца и своих чувствах матери, органично соединяет в себе тексты разной природы: начинается с высокой «оценки» письма Марии Николаевны, его глубокого содержания и «простого» слога: «Не могу выразить Вашему высочеству, с каким чувством читал я Ваше письмо, столь полное дружбой к старому Вашему поэту и столь прекрасно написанное по-русски. В этом милом письме Вы так верно и просто выражаете теперешнее счастье души Вашей, что и мне как будто, при чтении описания его, уделился на часть небольшой лоскуток этого счастья, столь совершенно Вами понимаемого» [42. С. 616], затем переходит в рассказ о счастье своей семейной жизни, а далее – в философско-религиозные рассуждения о случае, Провидении, счастье жизни, таинстве смерти.

Особую страницу в эпистолярной дидактике Жуковского занимает его переписка с великим князем Константином Николаевичем, вторым сыном Николая I и императрицы Александры Федоровны. Воспитанием Константина Николаевича занимался Ф.П. Литке, который ввел в практику еженедельное написание великим князем письма к кому-нибудь из воспитателей или наставников, по его желанию. В этой переписке согласился участвовать Жуковский, она началась с конца 1830-х гг. До нас дошло 20 писем Жуковского к великому князю Константину Николаевичу и 22 его ответных письма.

В письме от 17 ноября 1840 г. великий князь сообщал Жуковскому: «У нас теперь заведено, чтоб каждое воскресенье написать письмо или Федору Петровичу или г<осподину> Гримму. Сегодня Федор Петрович велел мне написать Вам. Цель этой переписки есть, чтоб приучить меня мало-помалу к эпистолярному штилю, и Федор Петрович хочет по истечении года сравнить эти письма и увидеть, какой успех я сделал в

продолжении года» [38. С. 180]. Отвечая на это письмо в тот же день, Жуковский оставляет до личной встречи «критику грамматическую и логическую» и центральной темой своей эпистолярной беседы делает проблему слога: «Знаете ли, что такое слог? Я здесь повторю слова знаменитого Бюффона; он говорит: *слог есть человек*. Это совершенная истина: *человек на бумаге* такой же точно, каков он есть в самой жизни. Если человек имеет ясные мысли, и слог его ясен; если он чувствует сильно, и слог его силен и горяч; если он много знает, и в слоге его выражается это знание. Все это есть, однако, одно только основание слога. К сему основанию надобно присоединить и материальное знание языка, и искусство владеть им: то есть уметь выбирать слова и помещать их на принадлежащем им месте. Это искусство можете Вы мало-помалу приобрести от навыка» [46. С. 630]. Объяснение того, что есть слог и как его «приобрести», Жуковский, в духе своей «царской педагогики», помещает в перспективу разностороннего развития великого князя как личности: «Но прежде всего будьте человеком, имейте ясные мысли, высокие чувства, теплоту сердца и любовь к правде, тогда Ваш слог будет выражением прекрасного; и тот, кто будет Вас читать, догадается, что он беседует с великим князем, достойным своего имени и звания» [46. С. 631]. Важнейшим способом развить слог Жуковский считает «образцы», на которых он учился сам и к которым был склонен с первых своих шагов в педагогической деятельности¹⁹: «Я покажу Вам письмо, полученное мною уже по возвращении в Петербург от Вашего дяди короля прусского; прочитав его, Вы поймете, что такое прелесть слога, когда в нем выражается прелесть души живой и возвышенной» [46. С. 631].

В следующем письме, от 10 / 22 декабря 1840 г., продолжая тему слога, Жуковский обращается к теме переписки, письма, специально подчеркивая свое понимание этого: «Мы начинаем с Вами вести *переписку*. Это не значит, что мы будем *писать* друг к другу в положенное время *письма*; нет, это значит, что мы будем свободно, с доверенностью взаимною и с полною искренностью, *меняться* друг с другом мыслями, замечаниями и чувствами. Следовательно я имею право ждать от Вас, что Вы не только будете просто *писать ко мне* письма, но и *отвечать на мои*, то есть к *моим* мыслям прибавлять *Ваши*, требовать *объяснения* на то, что Вам покажется неясным или даже делать *возражения* на то, с чем Вы останетесь не согласны. Это даст нашей переписке и жизнь и прелесть; а к ним сама собою присоединится и польза» [46. С. 631]. Заметно корректируя замысел Ф.П. Литке, Жуковский акцентирует важность переписки для становления личности великого князя, что возможно только при формировании их взаимоотношений в ходе создания эпистолярного текста и его восприятия, делая пользу, ожидаемую Литке, следствием свободного, искреннего обмена «мыслями, замечаниями и чувствами» учителя и ученика в переписке. Последовавший далее анализ фразы великого князя из его письма к Ф.П. Литке («*вместо того, чтобы написать весь мой характер, я написал мои проступки*»), которую Константин Николаевич

приводит Жуковскому, будучи потрясен ответом Литке на нее, не только разъясняет важность правильного словоупотребления («Что Вы описали: *недостатки* ли свои или *проступки?*»), но и выводит наставника к разговору о характере человека, о необходимости цели для его становления, о разнице между знанием своих недостатков и стремлением «восходить», отталкиваясь от них, «на высоту», о том, насколько это важно именно для великого князя, «рожденного на степени высокой и при жизни» и состоящего «под судом всенародным, а по смерти, сверх Божия суда», предающегося «еще и суду истории». Письмо заканчивается предлагаемой великому князю для примера жизнестроительной моделью Демосфена.

Ответное письмо великого князя показывает, что Жуковскому удалось вовлечь его в свободный обмен «мыслями, замечаниями и чувствами». Заверив своего адресата в том, что он «совершенно понял» то, о чем тот ему писал, Константин Николаевич делает свое «замечание» по поводу идей «любезного Василия Андреевича» и аргументов, им приведенных в подтверждение сказанного, вступая с ним в диалог: «Это все так, что сравнивают жизнь с двумя дорогами, из которых одной начало рай телесный, а конец ад душевный, а другой начало ад телесный, а конец рай душевный, или исправление с дорогой, где эти разные станции. Но где их найти? Хорошо, если эти две дороги мне представляются так, как Гераклесу, тогда я их вижу, и уж конечно пойду по той, по которой пошел и он, но где их найти? Та дорога, которая хорошо начинается, а худо кончается, беспрестанно перед глазами; почти невозможно или весьма трудно по ней не пойти. Другую же нужно сыскать, она сама собой не является, и на ней-то и находятся те станции, о которых Вы в письме говорите. Даже тот пример, который Вы представили, и тот легче, а здесь станции духовные. Но я, несмотря на все эти препятствия, хочу дойти до моей цели». Принимая во внимание предложенную Жуковским программу самосовершенствования с ее установкой на формирование самоанализа и самоконтроля, великий князь задает вопросы о способах ее реализации, апеллируя к своему «образцу» – культурному герою Гераклу. Жуковский в ответ квалифицирует данное письмо великого князя как начало переписки (письмо от 16 декабря 1840 г.)²⁰: «...очень рад, что между нами начинается переписка; это даст нам средство сделать теснее тот союз, который уже произвели между нами обстоятельства, так сказать, без нашего участия. Теперь же этот союз может сделаться *произвольным*, основанным на согласии мыслей и чувств, словом может быть *дружеским* союзом. <...> Переписка в таком случае большой помощник. Но характером такой переписки должны быть непринужденность, откровенность и в то же время обдуманность. Все это со временем выйдет из нашей переписки: начнем с малого, а кончим большим» [46. С. 635].

С годами круг обсуждаемых с великим князем тем всё более сосредоточивался на серьезных и глубинных вопросах философского, нравственно-этического характера²¹: быстротечность времени (письмо-поздравление с Новым годом Жуковского от 28 декабря 1841

г. / 9 января 1842 г.²²), отношения России и Западной Европы, развитие как закон жизни, цель, смысл и «техника» работы Жуковского над переводом «Одиссеи»²³ (от 28 октября / 9 ноября 1842 г.), история и судьба России (от 21 октября / 2 ноября 1845 г., от конца 1849 г. и от 2 / 14 марта 1850 г., где Жуковский делится с великим князем положениями своего Иерусалимского проекта²⁴), суть творчества и его роль в жизни общества (письмо от 19/31 октября 1848 г., от конца 1849 г.) и др. Таким образом, постоянно и органично «смешивая» в рамках переписки с великим князем Константином Николаевичем разные темы, дискурсы, что было органично для романтической эстетики, в том числе эпистолярной, Жуковский неизменно удерживает жизнестроительный фокус своих писем и писем адресата, тесно связывая его с работой над эпистолярным текстом (от создания своего до понимания чужого). Некоторые эффекты этой тактики, превращающей эпистолярный в эпистолярную дидактику, мы постарались представить.

С остальными царскими детьми у Жуковского не сложилась сколько бы то ни было длительная переписка. Обучаясь вместе с сестрой Марией Николаевной русскому языку у Жуковского, великая княгиня Ольга Николаевна не оценила его как педагога и воспитателя, воспринимая его прежде всего как великого поэта. В своих воспоминаниях она писала о его «прекрасных намерениях, планах, целях, системе», усматривая в них, между тем, «много слов и абстрактных объяснений. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов <...> Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал» [49]. Великую княжну Александру Николаевну и великих князей Николая и Михаила Николаевичей Жуковский знал с рождения, но близко они не общались.

Иной тактики Жуковский придерживался в письмах дидактического характера к родителям царских детей, учителем или воспитателем которых являлся. Его эпистолярная дидактика раз и навсегда сложилась в отношении Николая I, будучи задана социально-иерархическими и этикетными придворными нормами. В письмах императору подробно излагаются основы собственно дидактики Жуковского: принципы и средства обучения, методики преподавания отдельных дисциплин, ключевые умения и навыки, которыми должен овладеть обучающийся, организация образовательного процесса, условия его реализации, специфика царской педагогики, взаимодействие учителя и ученика, учителя и родителей – все это предлагается Жуковским государю на рассмотрение и утверждение как определенная методология и методика. Однако и в этих письмах, написанных в строго официальном тоне, центральной оказывается генеральная для Жуковского идея воспитывающего обучения. В этом плане письма Жуковского императору близки его письмам, обращенным к учителям и организаторам образования царских детей.

Не останавливаясь подробно на письмах Жуковского к императору об обучении и воспитании его детей, поскольку они достаточно хорошо изучены, в том числе и в плане дидактики²⁵, чуть подробнее остановимся на письмах поэта-педагога к великой княгине и императрице Александре Федоровне. Как известно, после венчания принцессы Шарлотты (принявшей православие с именем Александра Федоровна) и великого князя Николая Павловича летом в июле 1817 г. Жуковский приступил к занятиям русским языком с великой княгиней, отношения учителя и ученицы сложились как очень доверительные и дружеские. С 1818 г. между ними началась переписка, продолжавшаяся вплоть до смерти поэта. До нас дошло 65 писем Жуковского к Александре Федоровне и 19 ее писем к Жуковскому.

Письма поэта конца 1810-х – начала 1820-х гг., кроме прочего, о чем уже много сказано исследователями²⁶, интересны тем, что именно в них закладывались основы эпистолярной дидактики Жуковского, в первую очередь, использование эпистолярных практик в дидактических целях развития нравственных и гражданских устоев обучающегося, его художественного мышления, понимания и интерпретации текстов, создаваемых на принципах романтического универсализма и свободного нарратива («болтовни»), умения выразить словом свое восприятие окружающего и внутреннего мира. Эпистолярные практики Жуковского, в силу самой природы романтической эстетики и поэтики, положенных в их основу, близкие к исповеди, самоанализу, были незаменимы в дидактике Жуковского-учителя по отношению к великой княгине Александре Федоровне и позднее распространились на переписку с ее детьми, особенно с Марией и Константином.

С 1824 г. поэт начал давать уроки сыну Александры Федоровны, великому князю Александру Николаевичу. Характер писем Жуковского Александре Федоровне по поводу выполнения своих педагогических особенностей поменялся – теперь он писал не ученице, а матери своего ученика и давал ей «отчет» о своей деятельности, который был пронизан, прежде всего, глубокими психологическими наблюдениями и выводами. В этом плане характерно, например, письмо от 15 ноября 1824 г. Описывая ход уроков, их продолжительность, Жуковский делает особый акцент на серьезности и планомерности их занятий, суть которых он определил многозначным словом «беседа»; на своем стремлении «привлечь внимание ребенка и сделать работу его ума приятной, не делая ее слишком легкой», следствием чего называется отсутствие скуки у ученика [40. С. 254]. Главным показателем успешного обучения Жуковский называет то, что великий князь «был счастлив все эти три месяца; счастлив в своей учебе, счастлив в своих отдохновениях²⁷. Весь его день был заполнен играми, развивающими его тело, а часы занятий всегда вели к нравственному выводу, в высшей степени благотворному для его сердца, к внутреннему удовлетворению, неотделимому от его сознания, что он выполнил свое задание» [40. С. 254]. Жуковский пишет и о том, как важно для обучения великого князя помнить о той оценке, которую ему бы дали родители в тот или момент урока. «Мне пришла

мысль, – пишет поэт Александре Федоровне, – поставить ваш портрет и портрет великого князя на нашем рабочем столе». Каждый раз он говорил ученику, что наградой за успехи в учебе ему будет разрешение поцеловать отца и мать: «Они здесь, они нас слышат». И каждый урок заканчивался этим его трогательным вопросом: *Mozno? Pozvòlis?* Что означает: «Я правильно сделал?». И нужно было видеть его радость, когда мое столь желанное разрешение ему давалось! Он кидался, крича, к вашим портретам, чтобы подарить им свой поцелуй в награду, и судьба оставшегося дня была решена. Эта награда давалась, тем не менее, не всегда; три или четыре раза я должен был в ней отказать» [40. С. 255].

Жуковский делится с Александрой Федоровной своими наблюдениями и в отношении характера великого князя, которые его тревожат: «Он слишком быстро приходит в уныние. Тогда всякая его деятельность прекращается, и страх сделать или сказать что-то не так, как он должен это сделать или сказать, лишает его необходимого участия разума; он думает более не о предмете, но о своей воображаемой неспособности и о своем страхе, или же о том, что его товарищи опередят его, или о том, что его не одобряют те, кто его видят и слушают. Эта тревога парализует его, лишает его возможности преуспеть, и неудача заставляет его плакать» [40. С. 255]. Полагая, что к этому недостатку ребенка нужно относиться «отрицательно» и что учителю не следует это скрывать от матери, Жуковский предлагает Александре Федоровне способ исправительного воздействия на великого князя: «Относиться отрицательно значит, по моему разумению: избегать случаев, в которых он не всегда может преуспеть, и пытаться ему предоставить такие, в которых он может насладиться своим успехом. ...нужно лишь внушить ему большее доверие в его собственные силы, доверие, которое он может приобрести лишь посредством положительного опыта» [40. С. 255]. При этом Жуковский, глубоко проникающий в психологию ученика, считает недопустимым, именно в данном случае, применение соревнования с другими детьми: «Соревнование – прекрасный способ с другими детьми; для него этот способ может быть опасным. Его детское честолюбие заключается в страхе быть превзойденным, нежели в желании превзойти других. Это его честолюбие состоит не в побуждающем его рвении, а, скорее, в парализующем его беспокойстве. С возрастом оно пройдет и изменит его характер, в особенности, когда в нем появится уверенность в собственных силах. Тем более нужно теперь запастись терпением и быть осторожным» [40. С. 255–256]. То, что Жуковский-учитель был тонким психологом, демонстрирует приведенный им в рассматриваемом письме пример: «Однажды урок шел не так хорошо, как обычно: он был невнимателен. В самом конце я ему сказал: “Я не запрещаю вам поцеловать маму и папу, но решите сами, можете ли вы это сделать”. Он мне ответил грустно: “Нет, я не могу это сделать” – и заплакал. Я обнял его, я сказал ему, что разделяю его горе, и на том мы остановились, желанное разрешение дано не было, и я даже уверен, что оно не доставило бы ему удовольствия: он начинает чувствовать, что лучше что-то заслужить, чем просто получить это» [40. С. 256].

Особенно подробно Жуковский пишет Александре Федоровне о «подготовительном обучении» великого князя Александра Николаевича, которое, по его мнению, «значительнее всего, ибо именно на нем будет возводиться однажды все здание» [40. С. 256]. Развивая мысль о счастье ребенка в период «подготовительного» обучения, он уточняет, что слово «счастье» не должно говорить лишь об игре и отдыхе: нет, постоянная деятельность души и тела, дабы они развивались гармонично и равномерно, дабы совершенствование одного не мешало совершенствованию другого. Весь труд должен выполняться теми, кто его окружает; он же должен чувствовать себя свободным, должен идти впереди, не замечая, что его ведут. Свобода – это великое слово, свобода означает свободно и с удовольствием делать то, что велит долг. Это основной принцип его нравственного воспитания, и одновременно это же принцип его обучения. Свобода – синоним долга, а счастье – ее результат» [40. С. 256–257]²⁸. Роль учителя (и родителей) в описываемый период Жуковский сводит к тому, чтобы «становиться ребенком в присутствии ребенка; <...> давать ему работать столько, сколько возможно, самостоятельно, быть рядом, чтобы дать толчок, чтобы обозначить цель, чтобы помочь достичь ее» [40. С. 257]. «Что будет итогом этого? – спрашивает Жуковский и сам отвечает на вопрос: «Наш ученик, быть может, не удивит нас своими ответами во время короткого экзамена в течение часа, но разум его будет наполнен (*хорошо снабжен, обеспечен*) всем необходимым на будущее; он будет уметь выражать свои мысли, что приведет к способности вос-

принимать и усваивать другие знания, он сможет оживить (*руководить*) свою работу, потому что почувствует от нее удовольствие, он никогда не будет обескуражен болью, ибо опыт покажет ему, что он может успешно ее превозмочь» [40. С. 258]. Как видим, делая отчет о выполнении своих обязанностей учителя и воспитателя в отношении великого князя, Жуковский выступает таковым и в отношении его матери, задавая ей определенный вектор в восприятии его «методы», передавая ей свои знания и умения путем вовлечения в свое восприятие душевной жизни ее ребенка, приступившего к важнейшему этапу своей жизни – к обучению.

Подведем итоги всего сказанного и прежде всего отметим, что в эпистолярной дидактике Жуковского задействованы наиболее весомые достижения его романтической философии и эстетики. И его принципы воспитывающего обучения, и разные стратегии представления их в письмах разным адресатам или одному и тому же адресату в разные периоды его жизни, органично коррелировали с кругом его чтения, творчеством, эстетикой, объединяемых идеей жизнотворчества и самостроения. Посвященные обучению и воспитанию, письма Жуковского царским детям и их родителям не только не вступали в противоречие с тематикой, проблематикой, эстетикой и поэтикой его большого эпистолярного наследия, но органично входили в него. Созданные по общим законам романтической эпистолярной литературы, они достраивали творческую систему Жуковского, поэта, прозаика, публициста, философа, психолога до целостной.

Примечания

¹ Первый всплеск внимания к ним связан с юбилеем Жуковского в 1883 г. [1, 2]. К следующему юбилею Жуковского (1902 г.) вышли новые публикации на эту тему [3–6]. Вновь проблемы придворно-педагогической деятельности Жуковского были поставлены в работах конца XX – начала XXI в. С.О. Шмидта [7, 8], П.М. Симиновского, Б.К. Тебиева [9]. В этих и других публикациях [10–28] вводился новый архивный материал и новые подходы к анализу педагогических опытов Жуковского при дворе. Наблюдения, сделанные в данных исследованиях, были использованы в комментариях к педагогическим текстам Жуковского 1820–1830-х гг., опубликованным в его Полном собрании сочинений и писем [29]. Кроме того, тема придворно-педагогической деятельности Жуковского затрагивалась в научной литературе, посвященной придворной жизни Российской империи XIX в. [30–32].

² Например, в работах Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Н.Е. Никоновой, Д.В. Долгушина, В.С. Киселева и Э.М. Жилковой прослежено влияние Ж.-Ж. Руссо, Ф. Фенелона, И.Г. Песталоцци, М.Н. Муравьева на Жуковского-педагога [12, 13, 21, 25, 33–35]. Жуковский-педагог, в свою очередь, сам влиял на современников, в частности, на П.А. Плетнева. См. об этом: [14, 25].

³ Общий обзор эпистолярного наследия Жуковского см.: [36].

⁴ См. статьи А.С. Янушкевича «Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли», где предлагаются общий подход к данному корпусу писем как к «поведенческому тексту» и их тематическая классификация: письма «общественно-политического характера, историософского содержания, эстетической проблематики, в жанре “политической педагогики”», письма-ходатайства о помощи “униженным и оскорбленным”, письма личного характера с просьбами о материальном обеспечении себя и своего семейства» [37. С. 45, 48], и В.С. Киселева «Письма царственных особ к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры» [38]. См. также: Киселев В.С. Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: публикация и комментарий [39]. Интересующая нас проблема эпистолярной дидактики Жуковского в его переписке с членами царской семьи не входит в поле зрения авторов.

⁵ Дидактика Жуковского не ограничивается эпистолярием, охватывая ряд его разножанровых статей, циклов «мыслей и замечаний», переводную художественную прозу; сборники, в создании которых участвовали его ученики, прежде всего, члены царской семьи; методические материалы и др.

⁶ Эта атмосфера создавалась и укреплялась Жуковским от письма к письму, он не уставал повторять, что думает о своем наставнике ежедневно (просил великого князя «помнить его и любить», «мысленно быть с ним» также ежедневно), радуется «мыслью, что Бог велел» ему жить для своего воспитанника, быть ему «товарищем... другом... помощником во всем добром», что это для него «счастье бесценное» (от 19 / 31 августа 1826 г., 1 / 13 января 1827 г. [40. С. 360, 437]). 31.1.1827 г. Александр, отвечая Жуковскому, в самом начале письма уверяет его в том, к чему призывал его наставник: «...каждый день вспоминаю об Вас», и при прощании просит учителя: «помните и любите меня столько, как я Вас люблю» [38. С. 106]. Подобные примеры находим в большинстве писем Жуковского великому князю и в его ответных письмах наставнику.

⁷ Исследователи, в свою очередь, ссылаются на следующие работы: [7, 9, 21, 32].

⁸ К новому 1829 г. Жуковский подарил своему воспитаннику бюст Петра I со стихотворной надписью «Петр Великий»: «В почтенны к должности ему подобных нет: / Его назвал великим свет / За то, что с высоты властительного трона, / Неподсудимый, он был верный раб закона». 28.01.1829 г. великий князь подарил своему наставнику на день рождения собственноручный список этой надписи [38. С. 107], желая не только сделать приятное наставнику, но и показать, что усвоил его урок.

⁹ В письмах 1830-х гг. Жуковский дает великому князю куда более серьезные поручения, обращается к нему с более значительными просьбами как к наследнику престола, который 3 / 15 сентября 1831 г. получил титул Государь Наследник, Цесаревич и Великий Князь. См., например, письма от 13 / 25 июня 1833 г. (просит передать аренду, пожалованную ему императором, Е.А. Протасовой, в случае ее смерти, детям Воейковым, а также позаботиться о своем камердинере, в случае своей смерти), от 14 / 26 июля 1833 г. (просит позаботиться о том, чтобы он мог занять свою прежнюю комнату в Царском Селе), от 22 июля 1836 г. (просит представить императору его письмо об изобретении Б.С. Якоби и о деньгах, необходимых для его реализации) и др.

¹⁰ 23 августа / 4 сентября 1826 г. Александр написал Жуковскому такое ответное письмо: «Милый, любезный мой Василий Андреевич! Мы приехали 18-го июля в Петровский дворец, а папа приехал 19-го июля, 25-го числа был торжественный въезд в Москву. Я сидел с мама в карете. Дядя Константин (цесаревич Константин Павлович. – И.А.) приехал сюда, все ему были очень рады. Вчера папа и мама короновались; слава богу, мама выдержала эту длинную церемонию» [38. С. 105].

¹¹ В этом плане показателен, напр., фрагмент, опубликованный в № 5 «Муравейника» (1831) под заглавием «Александр Невский», принадлежащий великому князю Александру Николаевичу. Фрагмент является «классным сочинением» великого князя. К его написанию Александру Николаевичу подтолкнуло письмо Жуковского от 1 января 1828 г., в котором объясняется картина немецкого художника К.Г. Каруса, подаренная поэтом воспитаннику в день официального начала его обучения. В этом письме Жуковский рассказывает предание об отроке Александре Невском. Текст сочинения Александра Николаевича довольно точно передает предание об отроке Александре, «после прозванном Невским», которое Жуковский изложил своему ученику в письме. Акцентируются избранность Александра Невского, божественное предопределение его судьбы, идея воскресшего в нем Христа, который являл свои действия в Александре Невском как в апостолах. Воспринят был великим князем и воспитательно-дидактический смысл письма Жуковского, проводимые им параллели между Александром Невским и названным его именем великим князем. См. об этом подробно: [13].

¹² Приведем некоторые фрагменты из дневниковой записи Жуковского от 24 февраля 1828 г., переданные великому князю в виде письма: «Нынешний день случилось с великим князем первое настоящее несчастье. Он навлек на себя наказание не просто дурным поступком, а дурным качеством <...> Государь не может с ним помириться до тех пор, пока это качество в нем останется. Государь может теперь только поверить ему, если он даст слово, что будет стараться истребить это презрительное качество, но не может начать его любить, как любил прежде до тех пор, пока не узнает на деле, что он старается исполнить данное слово» [40; 41. С. 299]. И далее по пунктам описаны необходимые действия для «возвращения прежней любви государя», укладывающиеся в любимый алгоритм жизнестроительства Жуковского: самопознание – самоанализ – самосовершенствование.

¹³ Неслучайно во всех этих письмах Жуковский пишет великому князю о том, что он переступил границу «между ребячеством и юношеством», и теперь от него ждут «чистоту и высоту мысли» (от 1 / 12 января 1833 г.).

¹⁴ Была и попытка по-прежнему руководить кругом чтения великого князя. В письме от 13 января 1840 г. читаем: «В записке моей о Липмане я не упомянул о том, что было мною предложено Вам на словах, именно о том, чтобы Липману дано было при Вас звание лектора, дабы каждую неделю раз он вам представлял отчет о том, что делается в современном мире литературы, наук и вообще цивилизации. Быть нечуждым этим предметам для Вас необходимо» [41. С. 407]. Это предложение осталось без ответа.

¹⁵ Эти письма 1848–1850 гг. могут быть рассмотрены как публицистическая дидактика и заслуживают отдельного осмысления в этом аспекте.

¹⁶ Сохранилось 10 писем Жуковского к великой княжне Марии Николаевне.

¹⁷ Это первое дошедшее до нас письмо Марии Николаевны. Интересно, что оно написано в духе Жуковского – прежде всего, передает, по-детски, конечно, настроение через описание воображаемых картинок: «мне жаль, что Вы не тут: Вы бы вместе с нами посмотрели на море и на скалы. Я недавно думала об Вас, когда луна освещала пенные волны, которые бились о скалу, а мама сидела на скале, и ее лицо было так прекрасно освещено луною! Вы, конечно, сделали бы на это прекрасные стихи» [38. С. 164]. Нужно отметить, что ученица очень тонко чувствовала стиль письма своего учителя, легко узнавала его поэтический почерк: 6 / 18 мая 1833 г. она писала: «Простите мне, любезный Василий Андреевич, что я Вам еще не писала и не отвечала на милое Ваше письмо, которое мне доставило неизъяснимое удовольствие. <...> я читала прекрасное описание Женевского озера; и кто бы не знал, что Вы описали сей вид, прочитавши, сейчас бы сказал: это написал Жуковский» [38. С. 165].

¹⁸ «... я замечаю в себе какое-то особенное расположение болтать и делать отступления. Хочу говорить с Вашим Высочеством о нашем путешествии, и вместо того теряю время, рассуждая о его потере» (24 июня 1838 г.), и заканчивая это письмо, Жуковский вновь подчеркивает: «Вижу сам, что я безмерно был болтлив; написал множество страниц, а четвертой доли не сказал Вашему высочеству того, что думал про себя и про вас <...>, я пишу не оглядываясь и говорю все, что входит в ум и ложится под перо» [43. С. 331, 346] – речь идет об известном письме Жуковского, в котором на материалах его путешествия 1838 г. по Германии, Дании и Швеции он раскрывает Марии Николаевне свои глубочайшие философские, исторические, нравственно-этические и эстетические мысли. 22 июня / 4 июля Мария Николаевна писала Жуковскому: «Нет, любезный Вася кот, не думайте, что я на Вас сержусь; ни мало; но, как говорится: *entre amis point de cérémonie*; это я, *qui fait le premier pas*. Этот *premier pas* мне ничего не стоит, потому что *roug se ras* нет никаких мозолей, которые бы мешали ходить. Боже мой! Как глупо; но я обещала Вам так писать, как мне в голову приходит. Так не будет не совсем моя вина, если письмо будет ужасная чепуха» [38. С. 169] – в этом письме Мария Николаевна пишет Жуковскому в его «манере»: свободно, непринужденно, без видимой логики, переходя от темы к теме: о том, как хорошо русскому пребывать «в русской земле», о прелести будничной «однообразной» жизни, о переводе «Ундина», выполненном Жуковским так, что он стал лучше оригинала, о творчестве Пушкина, для характеристики которого ей трудно найти слова, о творческих планах Жуковского и автора письма, о внутреннем самоощущении поэта, от которого только и ждут, что новых сочинений, не понимая, почему поэт вдруг перестает писать и т.д.

¹⁹ См., например, хрестоматию «Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей и переведенные на русский язык Василием Жуковским», над которой поэт работал в ноябре 1805 – апреле 1806 г., а также «Избранные сочинения Жан-Жака Руссо. Перевод с французского. Том первый», которые Жуковский готовил к изданию летом-осенью 1806 г., вырабатывая собственный слог [47].

²⁰ В письме от 29 декабря 1840 г. Жуковский возвращается к ответному письму великого князя, поощряя его за следующее: «Отвечаю на последнее письмо Ваше. Я с удовольствием увидел из него, что написанное мною было прочитано Вами со вниманием: Вы сделали мне несколько замечаний, о которых мне будет весьма приятно поговорить с Вами» и далее подробно разъясняя свое понимание «Геркулесова выбора», сделанного Константином Николаевичем в противовес примеру жизнестроительства Демосфена, приведенного наставником, а также отвечая на вопрос о том, как применить «общее» к себе «в особенности», он пишет: «Начните с малого. Не загадывая слишком вперед, думайте о каждой минуте Вашей жизни» [46. С. 639].

²¹ Например, одно из писем Жуковского, от 5 / 17 сентября 1841 г., которое было ответом на письмо великого князя о его морском путешествии по Голландии (от 8 / 20 июля 1841 г.) и содержало воспоминания о его посещении домика Петра I в Сардаме и рассуждения о роли Петра Великого в истории России, по признанию Константина Николаевича, ему пришлось «разбирать по фразам» с Ф.П. Литке: «Ваше письмо так богато разными идеями и размышлениями, что достойно на него отвечать может только человек как Вы, который столько имеет опытности и столь легко владеет пером. Ваше письмо я получил тогда, когда я был в мыслях Вам написать одно, которое, как я хотел сначала, должно было быть повторением предыдущего. Ваше письмо, которое истинно меня обрадовало, мы прочитали с Федором Петровичем два раза и разбирали каждую фразу отдельно и долго говорили. Тогда я вполне понял ценность этого письма. Благодарю Вас сердечно за замечание, которое Вы мне сделали о моем письме из Голландии» [38. С. 193].

²² В ответ на рассуждения Жуковского о том, что такое 31 декабря: «По-настоящему этот день такой же, как все другие, но он имеет для нас значение глубокое. Мы не дорожим минутами <...>. Не успеешь оглянуться, как уже минуты, быстрые, неуловимые минуты, слились все в один прошедший день. Мы также мало считаем и дни: не успеешь осмотреться, как 365 дней слились в один прошедший год. Но конец года имеет что-то разительное, что-то таинственное. Тут уже невольно мысль обращается на жизнь, на ее важное знаменование, на ее быстроту, на ее конец и на то, что после этого конца должно совершиться» (письмо от 28 декабря 1841 г. (9 января 1842 г.) [46. С. 644–645]), Константин Николаевич пишет наставнику 18 января 1842 г.: «Вы <...> развили мысль, которая весьма часто проходила через мою голову. Я также все думал и не раз о скоротечности времени. Эта мысль такая, которую можно обдумывать сколько хочешь и которую никогда не исполнишь» [38. С. 195]. Еще год назад великий князь писал об этом Жуковскому довольно поверхностно: «Хотя не имеешь что-нибудь прямо на завтрашний день, но знаешь, что через много времени будет что-нибудь. Оттого, кажется, и время гораздо скорее идет. Так мы ожидали Рождество, теперь Крещение, потом маскарад и Пасха, и свадьба Саши, и именины мамá, и мои именины и, наконец, что веселее всего... мы нынешний год отправимся в Амстердам. Потом опять начнутся новые ожидания. Таким образом, время гораздо скорее и веселее проходит» [47. С. 187].

²³ Великий князь начал читать «Одиссею» еще в апреле 1841 г., вероятно, в русском прозаическом переводе И.И. Мартынова (см. его письмо Жуковскому от 13 апреля 1841 г. [47. С. 189]). Взрослея, он все чаще делится с Жуковским впечатлениями о литературе, дает оценки прочитанному, проявляя искренний интерес к сочинениям своего наставника. Благодаря Жуковского в письме от 2 / 14 октября 1848 г. за посвящение ему перевода «Одиссеи» великий князь дает переводу высокую аргументированную оценку, попутно делясь своим восприятием гомеровской поэмы и его автора: «Она точно венец всем Вашим остальным трудам, и этим одним Вы бы уже приобрели бессмертие. Я ее читал с величайшим интересом и на каждом шагу удивлялся и восхищался. Мне кажется, что Вы, употребив самый простой разговорный язык, первые постигли настоящий дух Гомера. Все остальные переводы не могут дать о нем настоящего понятия, потому что написаны языком натянутым, чересчур вычурным, как “Энеида”, “Генриада” и все новейшие эпопеи. Гомер был поэт народный, простой и потому не мог писать другим языком, как каким говорил. Я себе воображаю Гомера, не смейтесь надо мною, как простого русского сказочника, который с котомкою за плечами, с палкою в руках переходит из деревни в деревню и рассказывает народу сказки и басни про бывалых богатырей, про их подвиги и их славные дела. Они толкуют языком не Ломоносова, не Державина, не Гнедича, а своим собственным, который, хотя безыскусен, а как-то ближе сердцу. Признаюсь Вам откровенно, что этого рода поэзия мне дороже всякой другой. Сколько, мне кажется, Вы тоже так поняли Гомера и так его передали, оттого он представляется в совершенно новом, привлекательнейшем виде. Я пил Вашу “Одиссею” с восхищением» [47. С. 201]. Жуковский, в свою очередь, в ответном письме, от 19 / 31 октября 1848 г., высоко оценил точность восприятия его поэмы великим князем, радуясь за него: «...я был приятно удивлен, найдя в этом последнем письме зрелый, живой и правильный русский слог: это снова доказало мне истину того, что говорит Бюффон: le style c'est l'homme. Вы созрели, и с вами незаметно созрел и язык ваш. <...> Письмо ваше... порадовало меня и в поэтическом отношении. Вы говорите мне о моей “Одиссее” не одни общие фразы; вы говорите мне именно то, что я желал бы слышать от всякого, имеющего поэтическое чувство и зоркий вкус <...> я радуюсь... особенно за вас... потому, что вижу из написанного вами, как вам доступна поэзия» [41. С. 368–369].

²⁴ См. об этом подробнее [48].

²⁵ См.: [7, 12, 13, 21] и др.

²⁶ См., например: [50], а также комментарии к письмам Жуковского великой княгине, а позже императрице Александре Федоровне 1820-х гг. в: [40].

²⁷ Тезис «Ребенок должен быть счастлив» – один из основополагающих в дидактике Жуковского, которую он строит исходя из нескольких возрастных ступеней его развития. См. его Проект плана учения и сам План учения великого князя Александра Николаевича. «Нужно относиться к нему, как к ребенку, в детстве, чтобы он мог стать однажды мужчиной, и, чем более будет он чувствовать себя мужчиной, тем менее усомнится он в том, что он государь, когда еще не настает пора быть государем, и тем более будет он рад представшей пред ним великой судьбе, когда однажды его поздравят с его титулом» – пишет Жуковский и в анализируемом письме к Александре Федоровне. С точки зрения Жуковского, детство – это время для развития в ребенке «чисто человеческих черт» [40. С. 256].

²⁸ Здесь очевидны те уроки, которые в свое время Жуковский взял у Ж.-Ж. Руссо. См.: [33].

Список источников

1. Загарин П. В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883. С. 405–410.

2. Миллер О. В.А. Жуковский как человек и как наставник Императора Александра II. М., 1883. 28 с.
3. Кирпичников А. В.А. Жуковский как поэт-воспитатель // Вестник воспитания. 1902. № 4. С. 1–14.
4. Красногородцев А.В. Педагогические взгляды Жуковского (1852–1902): В память пятидесятилетия со дня смерти поэта. СПб., [1908]. 20 с.
5. Степанов Н.П. 1852–1902. В.А. Жуковский как наставник Царя-Освободителя. СПб., 1902. 94 с.
6. Ромашков Д., свящ. Взгляд В.А. Жуковского на задачу и цель воспитания. М., 1905. 30 с.
7. Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника престола // Русское подвижничество. М., 1996. С. 187–222.
8. Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000. 47 с.
9. Симиновский П.М., Тебиев Б.К. Образование для добродетели. Педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003. 159 с.
10. Айзикова И.А. «Библейские повести» В. А. Жуковского // Русская литература и религия. Новосибирск, 1997. С. 85–94.
11. Айзикова И.А. Неопубликованная проза Жуковского (Из тетрадей, составленных для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной). Публикация и научный комментарий // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 121–124.
12. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12.
13. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 5–13.
14. Айзикова И.А. Наследие П.А. Плетнева в «придворной педагогике» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 208–229.
15. Айзикова И.А. В.А. Жуковский – идеолог и практик образования и воспитания великого князя Александра Николаевича (на материале писем к К.К. Мёрдеру) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 5–15.
16. Добровольская Е.Б. «Это педагогическая поэма». В.А. Жуковский – воспитатель своих детей // В.А. Жуковский и русская культура : сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 182–195.
17. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3. Материалы международной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 199–228.
18. Ребеккини Д. В.А. Жуковский и библиотека престолонаследника Александра Николаевича (1828–1837) // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 77–136.
19. Rebecchini D. Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930 / D. Rebecchini, R. Vassena. Milano, 2014. С. 99–116.
20. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В.А. Жуковского и их практическое значение // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 3. Томск, 2017. С. С. 238–257.
21. Жилиякова Э.М., Киселев В.С. «План учения наследника... цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 6 (32). С. 129–132.
22. Гузаиров Т. Учебные пособия В.А. Жуковского по истории // Статьи на случай. Сборник в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf (дата обращения: 14.08.2022).
23. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Вильегорского. М., 1999. С. 75–180.
24. Долгушин Д.В. Неизданный конспект В.А. Жуковского по истории // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия филологии. Новосибирск, 2012. С. 232–238.
25. Долгушин Д. Придворный локус и авторефлексия русской литературы к XVIII – перв. пол. XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 361–373.
26. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и протоиерей Герасим Павский: у истоков школьного преподавания библейской истории в России // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Материалы Новосибирских Кирилло-Медфодиевских чтений. Вып. 3. Новосибирск, 2016. С. 73–95.
27. Долгушин Д.В. Иконическая и словесная репрезентация текста в «Живописной Священной истории» В.А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Вып. 3. Новосибирск, 2015. С. 57–72.
28. Долгушин Д.В. Педагогическая поэма В.А. Жуковского // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
29. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2016. Т. XI (первый полутом). 1047 с.
30. Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011. С. 254–292.
31. Подделкова П.Е. Культурное пространство воспитания монарха в императорской России : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. 193 с.
32. Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 75–196.
33. Канунова Ф.З. Жуковский – читатель педагогического романа-трактата Руссо «Эмил, или О воспитании» // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Ч. 3. Томск, 1988. С. 74–137.
34. Айзикова И.А. В.А. Жуковский и Ф. Фенелон // Библиотека В.А. Жуковского в Томске : в 3 ч. Ч. 3. Томск, 1988. С. 220–249.
35. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 87–124.
36. Янушкевич А.С. Эпистолярный В.А. Жуковский: летопись персонального житнетворчества и коллективного литературного быта // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2018. Т. XV. С. 563–580.
37. Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 45–76.
38. Киселев В.С. Письма царственных особ к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры // Письма царственных особ к В.А. Жуковскому. Томск, 2020. С. 3–43.
39. Жуковский. Исследования и материалы : сб. науч. тр. Томск, 2017. Вып. 3. С. 304–345
40. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2020. Т. XVI. 1149 с.
41. Жуковский В. Сочинения: С приложением писем, биографии : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. 526 с.
42. Сочинения В.А. Жуковского : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.
43. Русский архив. 1885. № 3. С. 331–346.
44. Лотман Ю.М. Проблема интонации. «Роман требует болтовни» // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 67–74.
45. Ельницкая Л.М. «Болтовня» как речевой дискурс у Пушкина и Достоевского // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 126–136.
46. Сочинения В.А. Жуковского. Ч. 1–6 / под ред. К.С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 6. 685 с.
47. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2011. Т. VIII. С. 360–414, 480–531.
48. Айзикова И.А. К проблеме контекста Иерусалимского проекта В.А. Жуковского (по материалам политической публицистики и религиозно-философской прозы 1840–х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 95–112.
49. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 349–350.
50. Лебедева О.Б. Неопубликованные письма Жуковского 1827–1835 гг. (письма великой княгине Елене Павловне, императрице Александре Федоровне и фрейлине Ц.А. Вильдермет // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 495–546.

References

1. Zagarin, P. (1883) *V.A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya* [V.A. Zhukovsky and his works]. Moscow: [s.n.]. pp. 405–410.
2. Miller, O. (1883) *V.A. Zhukovskiy kak chelovek i kak nastavnik Imperatora Aleksandra II* [V.A. Zhukovsky as a person and as a mentor of Emperor Alexander II]. Moscow: [s.n.].
3. Kirpichnikov, A. (1902) *V.A. Zhukovskiy kak poet-vospitatel'* [V.A. Zhukovsky as a poet-educator]. *Vestnik vospitaniya*. 4. pp. 1–14.
4. Krasnogorodtsev, A.V. (1908) *Pedagogicheskie vzglyady Zhukovskogo (1852–1902): V pamyat' pyatidesyatiletia so dnya smerti poeta* [Zhukovsky's pedagogical views (1852–1902): In memory of the fiftieth anniversary of the poet's death]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Stepanov, N.P. (1902) *1852–1902. V.A. Zhukovskiy kak nastavnik Tsarya-Osvoboditelya* [1852–1902 V.A. Zhukovsky as a mentor of the Tsar Liberator]. St. Petersburg: [s.n.].
6. Romashkov, D., priest. (1905) *Vzglyad V.A. Zhukovskogo na zadachu i tsel' vospitaniya* [V.A. Zhukovsky's view on the task and purpose of education]. Moscow: [s.n.].
7. Shmidt, S.O. (1996) *Podvig nastavnichestva. V.A. Zhukovskiy – nastavnik naslednika prestola* [The feat of mentoring. V.A. Zhukovsky – Mentor of the Heir to the Throne]. In: *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Asceticism]. Moscow: Nauka. pp. 187–222.
8. Shmidt, S.O. (2000) *Vasilii Andreevich Zhukovskiy – velikiy russkiy pedagog* [Vasily Andreevich Zhukovsky – a great Russian educator]. Moscow: [s.n.].
9. Siminovskiy, P.M. & Tebiev, B.K. (2003) *Obrazovanie dlya dobrodeteli. Pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' V.A. Zhukovskogo* [Education for virtue. Pedagogical views and activities of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya.
10. Ayzikova, I.A. (1997) "Bibleyskie povesti" V. A. Zhukovskogo ["Biblical stories" by V. A. Zhukovsky]. In: *Russkaya literatura i religiya* [Russian literature and religion]. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–94.
11. Ayzikova, I.A. (2003) Zhukovsky's unpublished prose (From notebooks compiled for classes with Grand Duchess Alexandra Feodorovna). Publication and scientific commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 277. pp. 121–124. (In Russian).
12. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/1
13. Ayzikova, I.A. (2021) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article Two. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/471/1
14. Ayzikova, I.A. (2021) Pyotr Pletnev's Heritage in "Court" Pedagogy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 208–229. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/12/6
15. Ayzikova, I.A. (2019) Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/1 "
16. Dobvol'skaya, E.B. (2005) "Eto pedagogicheskaya poema". V.A. Zhukovskiy – vospitatel' svoikh detey ["This is a pedagogical poem". V.A. Zhukovsky – the educator of his children]. In: *V.A. Zhukovskiy i russkaya kul'tura: sb. nauch. st.* [V.A. Zhukovsky and Russian culture: Articles]. St. Petersburg: Pushkin Museum. pp. 182–195.
17. Kiseleva, L.N. (2004) [Zhukovsky – a teacher of the Russian language (the beginning of the "royal pedagogy")]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Conference Proceedings. Tartu: Tartu University. pp. 199–228. (In Russian).
18. Rebecchini, D. (2013) V.A. Zhukovskiy i biblioteka prestolonaslednika Aleksandra Nikolaevicha (1828–1837) [V.A. Zhukovsky and the library of the heir to the throne Alexander Nikolayevich (1828–1837)]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–136.
19. Rebecchini, D. (2014) Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838). In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930*. Milano: di/segni. pp. 99–116.
20. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie [The world of symbols: mnemonic tables of V.A. Zhukovsky and their practical significance]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.
21. Zhilyakova, E.M. & Kiselev, V.S. (2014) "Plan of the Education ... of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the Context of V.A. Zhukovsky's Pedagogical Legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 129–132. (In Russian).
22. Guzairov, T. (2022) *Uchebnye posobiya V.A. Zhukovskogo po istorii* [V.A. Zhukovsky's textbooks on history]. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf [Accessed: 14.08.2022].
23. Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (1999) *Bednyy Zhozef: Zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo* [Poor Joseph: The Life and Death of Joseph Vielgorsky]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 75–180.
24. Dolgushin, D.V. (2012) Neizdannyy konspekt V.A. Zhukovskogo po istorii [Unpublished notes on history by V.A. Zhukovsky]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologiya*. 12. pp. 232–238.
25. Dolgushin, D. (2015) Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury k. XVIII – perv. pol. XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [Court locus and auto-reflection of Russian literature of the late 18th – first half of the 19th centuries: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Pyotr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. pp. 361–373.
26. Dolgushin, D.V. (2016) [V.A. Zhukovsky and Archpriest Gerasim Pavsky: at the Origins of School Teaching of Biblical History in Russia]. *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya. Materialy Novosibirskikh Kirillo-Mefodievskikh chteniy* [Spiritual and Moral Foundations of Russian Culture and Education. Proceedings of the Novosibirsk Cyril and Methodius readings]. Vol. 3. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 73–95. (In Russian).
27. Dolgushin, D.V. (2015) Ikonicheskaya i slovesnaya reprezentatsiya teksta v "Zhivopisnoy Svyashchennoy istorii" V.A. Zhukovskogo [Iconic and verbal representation of the text in the Picturesque Sacred History by V.A. Zhukovsky]. In: *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya* [Spiritual and moral foundations of Russian culture and education]. Vol. 3. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 57–72.
28. Dolgushin, D.V. (2018) The "Pedagogical Poem" of V. Zhukovsky (On Unpublished Materials). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106.
29. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol 9 (1). Moscow: YaSK.
30. Zimin, I.V. (2011) *Detskiy mir imperatorskikh rezidentsiy. Byt monarkhov i ikh okruzhenie* [Children's world of imperial residences. Life of monarchs and their environment]. Moscow: Tsentrpoligraf. pp. 254–292.
31. Poddelkova, P.E. (2015) *Kul'turnoe prostranstvo vospitaniya monarkha v imperatorskoy Rossii* [Cultural space of the upbringing of the monarch in imperial Russia]. Culturology Cand. Diss. St. Petersburg.
32. Sidorova, A.N. (2016) *Vospitanie velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoy deyatel'nosti)* [Education of the Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II (preparation for state activities)]. History Cand. Diss. Moscow. pp. 75–196.

33. Kanunova, F.Z. (1988) Zhukovskiy – chitalatel' pedagogicheskogo romana-traktata Russo "Emil', ili O vospitanii" [Zhukovsky as a Reader of Rousseau's Pedagogical Treatise "Emil, or On Education"]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomске: v 3 ch.* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk: in 3 parts]. Part 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 74–137.
34. Ayzikova, I.A. (1988) V.A. Zhukovskiy i F. Fenelon [V.A. Zhukovsky and F. Fenelon]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomске: v 3 ch.* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk: in 3 parts]. Part 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–249.
35. Nikonova, N.E. (2014) V.A. Zhukovsky as the Coeval of the Pedagogic Epoch in Germany: German Literature About Upbringing and Artistic Pursuits of the Poet in 1840–1850. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 87–124. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/1/7
36. Yanushkevich, A.S. (2018) Epistolyariy V.A. Zhukovskogo: letopis' personal'nogo zhiznetvorchestva i kollektivnogo literaturnogo byta [Epistolary works of V.A. Zhukovsky: a chronicle of personal life-creation and collective literary life]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 15. Moscow: YaSK. pp. 563–580.
37. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennyim osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters to V.A. Zhukovsky to royalty as a phenomenon of Russian verbal culture and social thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
38. Kiselev, V.S. (2020) Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu kak fenomen russkoy kul'tury [Letters from royal persons to Vasily Zhukovsky as a phenomenon of Russian culture]. In: *Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu* [Letters from royal persons to Vasily Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–43.
39. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2017) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 304–345
40. Zhukovskiy, V.A. (2020) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 16. Moscow; YaSK.
41. Zhukovskiy, V. (1878) *Sochineniya: S prilozheniem pisem, biografii: v 6 t.* [Works: With letters, biographies: in 6 volumes]. Vol. 6. St. Petersburg: [s.n.].
42. Efremov, P.A. (ed.) (1885) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: v 6 t.* [Works by V.A. Zhukovsky: in 6 volumes]. Vol. 6. 8th ed. St. Petersburg: [s.n.].
43. *Russkiy arkhiv.* (1885) 3. pp. 331–346.
44. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At the school of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Prosveshchenie. pp. 67–74.
45. El'nitskaya, L.M. (2007) "Boltovnya" kak recevoy diskurs u Pushkina i Dostoevskogo ["Chatter" as speech discourse in Pushkin and Dostoevsky]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 21. pp. 126–136.
46. Serbinovich, K.S. (ed.) (1869) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo. Ch. 1–6* [Works by V.A. Zhukovsky. Parts 1–6]. Part 6. 6th ed. St. Petersburg: [s.n.].
47. Zhukovskiy, V.A. (2011) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete collection of works and letters: in 20 vols]. Vol. 13. Moscow: YaSK. pp. 360–414, 480–531.
48. Ayzikova, I.A. (2017) To the Problem of the Context of V.A. Zhukovsky's Jerusalem Project (On Materials of Political Essays and Religious and Philosophical Prose of the 1840s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 95–112. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/46/8
49. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (eds) (1999) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Nauka; YaRK. pp. 349–350.
50. Lebedeva, O.B. (2013) Neopublikovannye pis'ma Zhukovskogo 1827–1835 gg. (pis'ma velikoy knyagine Elene Pavlovne, imperatritse Aleksandre Fedorovne i freyline Ts.A. Vil'dermet [Zhukovsky's unpublished letters of 1827–1835 (letters to Grand Duchess Elena Pavlovna, Empress Alexandra Feodorovna and maid of honor Ts.A. Wildermet)]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 495–546.

Информация об авторе:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), Professor, head of the Department of General Literary Criticism, Publishing and Editing, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 22.08.2022;
approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.